

Инна Прусс:

Автор-составитель
Мария Варденга

Искусство
жить
прекрасным

УДК 7.07
ББК 79
И66

ВЫРАЖАЕМ ИСКРЕННЮЮ БЛАГОДАРНОСТЬ
ТАТЬЯНЕ ПЕТРОВНЕ ШИШКИНОЙ
ЗА ПОМОЩЬ В ИЗДАНИИ КНИГИ

И66 Инна Прусс : Искусство жить прекрасным / автор-составитель М. Г. Варденга. — Москва : ГАММА-ПРЕСС. — 368 с. : ил.

ISBN 978-5-9612-0102-4

Настоящее издание об Инне Ефимовне Прусс (1931–2018) — искусствоведе, переводчице, знатоке музыки, выдающемся деятеле российской культуры. Больше полувека (1956–2018) Инна Ефимовна проработала в ГМИИ им. А. С. Пушкина.

Три десятилетия Инна Ефимовна занимала должность программного директора фестиваля «Декабрьские вечера». Ей довелось общаться со знаменитыми музыкантами и артистами эпохи: Святослав Рихтер, Владимир Спиваков, Евгений Кисин, Юрий Башмет. Их воспоминания, наряду с очерками друзей и близких, собраны в настоящем издании.

Название — «Искусство жить прекрасным» — в большой степени отражает характер героини — человека, умевшего жить искусством. Уникальность личности подсказала и оригинальность формы книги, организованной как музыкально-поэтическая композиция: собрание стихов, воспоминаний, интереснейших фотографий и документов.

ББК 79

Фотографии на обложке — Э. Левин

ISBN 978-5-9612-0102-4

© ООО «ГАММА-ПРЕСС», оформление, 2023
© М. Г. Варденга, текст, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Мария Варденга. Другое измерение	7	Нелли Ли	209
Пролог		Сергей Мальцев	212
«Обычно мы возвращались...»	13	Борис Карабельников	215
Святослав Рихтер – Инна Прусс. История одного разговора	16	Нинель Исмаилова	218
I. Искусство стать собой		IV. Искусство просвещать	
«Мама любила кукол»	27	«На рисунке Матисса...»	235
Глазами дочери	29	И. Е. Прусс. Фрагменты книг: Западноевропейское искусство XVII века (Малая история искусств)	236
Глазами сестры	45	Рафаэль (Мастера мирового изобразительного искусства)	240
Глазами матери	51	Зал 11. Испанское искусство XVII века (Путеводитель по картинной галерее ГМИИ им. А. С. Пушкина)	254
Глазами мужа	66	Перевод книги Рудольфа Бинга За кулисами «Метрополитен-опера»	262
Почти семейная фотография	76	V. Мимолетности: вокруг музея	
II. Искусство восхищаться		«Спи-усни, моя мама...»	283
«Ты говорила, что не веришь в Бога...»	103	Евгений Кисин	285
Ирина Антонова	105	Наталья Солженицына	285
Сергей Юрский	107	Владимир Спиваков	286
Алексей Любимов	110	Юрий Башмет	288
Алексей Парин	114	Юлий Милкис	289
Геннадий Якимов	116	Виталий Мишин	290
Юлия Демкина	122	Николай Луганский	291
Андрей Хржановский	126	Александр Рудин	292
Леонид Гаккель	128	Роман Балашов	293
Алексей Горiboldь	131	Эдуард Левин	294
Пётр Поспелов	133	VI. Мимолетности: вокруг семьи	
Екатерина Антоненко	134	«Помню, я обижалась...»	313
Евгения Лианская-Линингер	137	VII. Искусство уходить	
Ольга Малинковская	139	«Ты умирала дома...»	343
Ольга Гусельникова	141	Олег Карлсон	346
Юлия Де-Клерк	144	Елена Варденга	348
Михаил Фихтенгольц	151	Эпилог	
III. Искусство понимать		«На самом деле музыка не кончается...»	367
«В детстве я обожала...»	171		
Алина Логинова	174		
Татьяна Прилуцкая	179		
Мария Реформатская	187		
Марина Свидерская	191		
Надежда Ковалдина	199		
Татьяна Тамбиева	203		
Артём Тамбиев	205		

ДРУГОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Эта книга появилась благодаря идее и бесценному участию Татьяны Петровны Шишкиной, бывшей одним из самых близких маме людей в последние годы ее жизни.

«Танечка — единственный известный мне сегодня истинный меценат», — говорила мама. Действительно, Татьяна Петровна не просто поддерживала музыкантов — она занималась книгоизданием, спонсировала книги об искусстве, была создателем благотворительного фонда «Милосердие», помогавшего малоимущим работникам культуры...

Мама ласково звала Татьяну Петровну «Танечкой» — разница в возрасте позволяла такую вольность. Но вызвана она была не фамильярностью, а уважением и благодарностью. Ведь Татьяна Петровна, словно добрая фея, легко справлялась с проблемами, казавшимися обычному человеку абсолютно неразрешимыми. Так, она волшебным образом появлялась в маминном кабинете всякий раз, когда мама плакала навзрыд, потому что начальство отказывалось оплатить исполнителя, о котором мама договаривалась несколько лет. Появлялась — и решала вопрос...

Столько радости она подарила моей маме! Татьяна Петровна водила ее на редкие концерты — причем такие походы превращались в целую церемонию. Татьяна Петровна заезжала за мамой на машине, затем они отправлялись в прекрасный ресторан

(меню которого неизбалованная мама потом с детским восторгом пересказывала целую неделю), потом — на концерт, потом — пить чай, после чего провожала на машине маму домой...

Вместе они традиционно ездили в Петербург слушать единственный в году концерт Григория Соколова в Филармонии, которого мама боготворила.

Татьяна Петровна подарила маме и уникальную поездку по Бельгии и Франции: мама снова и снова вспоминала о ней в последние свои дни...

Мама всегда говорила, что Татьяну Петровну прислали ей с неба «за особые заслуги перед отечеством»: «У меня всю жизнь были отменные подруги, — часто повторяла она. — Но я никак не ожидала, что под старость получу в подарок Танечку»...

Бесконечная благодарность живет и во мне. Ведь если бы не Татьяна Петровна, этого издания не случилось бы. Именно Татьяна Петровна стала его вдохновителем, убедив меня в том, что память о маме нужно сохранить в книге.

Мне самой эта задача, честно говоря, поначалу казалась нереализуемой. Я понимала, что сделать книгу о маме — значит рассказать о человеке, жившем совершенно особенную, отдельную от общих установлений, жизнь. Жизнь, девизом которой было не устройство быта, не удобство и комфорт — исключительная жажда приобщения к вечности. Мама обычно называла это «правом тратить время на достойное».

Эти слова мама повторяла постоянно. Они определяли все ее выборы и действия. Все, что происходило, соразмерялось с главной задачей, которую она поставила перед собой с самого детства. Будничное, повседневное проживание ее не интересовало. Она жила тем, что «не проходит и не сгорает». Вот почему мама являлась для меня поразительным примером абсолютной внутренней независимости — того «самостояния», о котором говорит Пастернак, определяя условия величия человека.

Перебирая мамин архив, я пришла к выводу, что единственная возможность приблизиться к ее довольно закрытой личности — это увидеть ее «в осколках зеркала», соединив разрозненные

впечатления людей, по-разному отразивших разные стороны ее личности. Так книга обрела жанр «impressions», собрав мозаику из воспоминаний, и планов организации концертов, личных писем и научных статей, поздравительных открыток, фрагментов книг и переводов... Я подумала, что органичной связкой всех этих «осколков зеркала» может стать цикл моих стихов «Девять песен для мамы». Ими открывается каждый раздел.

Impressions — по сути, музыкальный и поэтический жанр. Мне показалось, что это подходящий ключ, позволяющий приблизиться к тайне, которой в совершенстве владела мама, — искусства жить нездешним, видеть происходящее как бы в другом измерении. С этим подходом связано и представление авторов: все они, в основном, известные музыканты, ученые и артисты, перечисление наград и званий которых заняло бы пространство, превышающее маленькие заметки-впечатления. Я осмелилась предположить, что строчка «Владимир Спиваков, скрипач, дирижер» или «Сергей Юрский, актер, писатель» звучит не менее выразительно, чем ряд заслуженных ими званий.

Мне хотелось как можно дальше уйти от собрания некрологов — с тем чтобы оставить в книге живую маму. Представляется, что стихи — с их уникальной способностью концентрировать чувство — могут лучше другого в этом помочь.

Сердечно благодарю Марка Александровича Зильберквита, издателя этой книги, Елену Холмогорову, редактора этого издания, и Ольгу Фукс, помогавшую мне в сборе материалов.

Мария Варденга

Пролог

the 1990s, the political and economic environment in which the health care system was operating had changed. The political environment had become more liberal, and the economic environment had become more market oriented.

As a result of these changes, the health care system was in a state of flux. The political and economic environment was changing, and the health care system was being restructured. The political and economic environment was becoming more liberal and more market oriented, and the health care system was being restructured to reflect these changes.

The political and economic environment was changing, and the health care system was being restructured. The political and economic environment was becoming more liberal and more market oriented, and the health care system was being restructured to reflect these changes. The political and economic environment was changing, and the health care system was being restructured.

The political and economic environment was changing, and the health care system was being restructured. The political and economic environment was becoming more liberal and more market oriented, and the health care system was being restructured to reflect these changes. The political and economic environment was changing, and the health care system was being restructured.

The political and economic environment was changing, and the health care system was being restructured. The political and economic environment was becoming more liberal and more market oriented, and the health care system was being restructured to reflect these changes. The political and economic environment was changing, and the health care system was being restructured.

The political and economic environment was changing, and the health care system was being restructured. The political and economic environment was becoming more liberal and more market oriented, and the health care system was being restructured to reflect these changes. The political and economic environment was changing, and the health care system was being restructured.

The political and economic environment was changing, and the health care system was being restructured. The political and economic environment was becoming more liberal and more market oriented, and the health care system was being restructured to reflect these changes. The political and economic environment was changing, and the health care system was being restructured.

The political and economic environment was changing, and the health care system was being restructured. The political and economic environment was becoming more liberal and more market oriented, and the health care system was being restructured to reflect these changes. The political and economic environment was changing, and the health care system was being restructured.

The political and economic environment was changing, and the health care system was being restructured. The political and economic environment was becoming more liberal and more market oriented, and the health care system was being restructured to reflect these changes. The political and economic environment was changing, and the health care system was being restructured.

Обычно мы возвращались в троллейбусе
из музея или после концерта
по длинному мосту через реку
мимо кремлевских стен.
Ты садилась спиной к дороге,
чтобы смотреть назад,
на любимый профиль:
где ты каждый раз оставляла любимых,
Давида, Беллини, Лоренцо Лотто
и звуки виолончели
в пустом Белом зале.
Ты любила сидеть до концерта,
в тишине, на краешке стула,
предвкушая грядущую красоту.
Ты садилась в дальнем углу,
закрывала глаза —
и старалась расслышать
звук, который случится дальше —
много дальше
тебя и меня.
Это было серьезное дело,
ты сердилась, когда тебя отвлекали —
ты ведь слушала прошлое
и будущее,

которое слышно только оттуда —
с 11-го места в 5-м ряду...
И когда мы возвращались в троллейбусе,
разговоры мешали слушать,
что случилось в прошлом и будущем.
Люди говорили о покупках,
и ты удивлялась, на что они тратят время.
А ты не могла отвлекаться
ни на минуту от связи с главным —
виолончель, Давид и Лоренцо Лотто —
какие уж тут покупки, еда, картошка...
Однажды мы из музея
дошли до остановки
«Кинотеатр Ударник».
Тебе надо было купить картошки
и чего-то еще по хозяйству,
а я засмотрелась на солнце,
холодное первое солнце.
Был март, оно делало пробы,
и я его пробовала.
Засмотрелась и потерялась.
Ваш троллейбус уехал,
ты с Лоренцо, Давидом, картошкой —
я осталась на острове
с названием
«Кинотеатр Ударник».
Я не знала, что делать.
В пять лет от такого плачут,
и я начала плакать.
Прохожие меня утешали,
объясняли: ты скоро вернешься,
обязательно скоро вернешься,
ведь мама не может бросить,
потерявшись, она возвращается
и находит ребенка...

*Я теперь иногда проезжаю
мимо того острова
с закрытым кинотеатром.
С каждым годом все чаще
я выхожу на этой остановке
и жду тебя, жду тебя, жду...*

СВЯТОСЛАВ РИХТЕР — ИННА ПРУСС

ИСТОРИЯ ОДНОГО РАЗГОВОРА

Святослав Теофилович приехал в Петербург. Узнав об этом, Нелличка Ли, близкая подруга Инны, пригласила нас с ним в гости. В тот момент у нее как раз гостила Инна.

Нелличка, как всегда, накрыла прекрасный стол — угощала нас, рассказывала о своем первом визите в Корею, где она получила предложение преподавать в Сеульской консерватории. Несмотря на выгодное предложение, она сомневалась, стоит ли ехать: работы для ее тогдашнего мужа, дирижера Даниила Бухина, в Корее не находилось, в Петербурге у Нелли оставались родители и сестра, ученики... Словом, ей было сложно решиться. Хотя, разумеется, в Сеульской консерватории педагоги получали несравненно больше, чем в Петербургской, и у Нелли появлялся шанс, наконец, купить нормальную квартиру.

Инна видела ситуацию однозначно. «Надо преодолеть свой страх и, конечно же, ехать: так открывается мир, новые возможности... Если б у меня была такая возможность, я бы не раздумывала», — сказала она.

«В Сеул? — улыбалась Нелличка. — Сомневаюсь. Это же не Европа. Не так-то просто решиться и переехать туда».

К моему удивлению, Святослав Теофилович, при всей очевидности ситуации, медлил с советами. Он сказал, что, конечно, путешествия, любая перемена мест благотворно воздействует на художника: она расширяет горизонт, дает новые импульсы... Но дальше он замолкал. Через паузу спрашивал: а есть ли у Неллички свои, хорошие, близкие душой люди в том месте, куда она направляется? С кем она там сможет отвести душу...

Нелли смущалась. Особенных знакомств пока не было — разве что люди из посольства и те, с кем она контактировала в консерватории. Вместо ответа она повторила, что это ее единственный шанс заработать на нормальную квартиру.

Рихтер покачал головой: обидно, что вам приходится руководствоваться такими соображениями: «Ну, в любом случае вам будет с кем поговорить: у вас же будут с собой книги...».

Инна тут же вскинулась: «Конечно, когда с собой любимая книга, которую ты готов перечитывать много раз, не страшно даже на необитаемом острове!» Нелличка вздохнула: «Вот-вот, необитаемый остров. У меня именно такое ощущение».

Завязался разговор о книгах. Святослав Теофилович сказал, что, перечитав Генри Джеймса перед постановкой «Поворота винта», вернулся к Тургеневу, так как видит в них одну и ту же слабую попытку приблизиться к созданию психологического портрета женщины.

— А мне казалось, Тургеневу это вполне удалось, — возразила Инна.

Я не согласилась:

— Тургенев рисовал готовый образ. И получилось у него это в той же степени, что у Бальзака, Мопассана...

— В полном смысле это удалось только Толстому, — ответил Святослав Теофилович.

Инна обрадовалась, ведь Толстой был для нее главным писателем. Сказала, что «Войну и мир» она перечитывает каждые пять лет и всегда открывает для себя что-то новое.

Рихтер воодушевился:

— Согласен, я вообще всегда считал, что время стоит тратить только на те книги, которые можно по нескольку раз перечитывать... А вы до конца «Войну и мир» читаете? Включая философские рассуждения?

Инна удивилась:

— Конечно, до конца. А как можно читать книги иначе?

— Финал «Войны и мира» — невозможное занудство, — влезла я смело, — я с трудом прочла его в школе и больше к нему не возвращалась.

— Как так можно говорить? — возмутилась Инна. — Это же неуважение к гению! И потом, добросовестный читатель всегда дочитывает книгу до конца.

Я возразила: мол, считаю себя в полном праве опустить рассуждения, которые не вызывают у меня ничего, кроме раздражения.

— Очень жаль, Зоинька, — неожиданно покачал головой Слава, — этот финал заслуживает вдумчивого чтения.

Я вздохнула:

— Заслуживает, но невозможно нудно.

Инна оскорбилась:

— Как можно говорить «нудно» о рассуждениях Толстого! Даже если их нелегко читать. Чтение не есть развлечение! Чтение — это работа души и головы.

Слава удовлетворенно закивал.

— Так и есть. Были книги, сквозь которые я с усилиями заставлял себя продираться. Но, заставив, был очень доволен. «Бхагавад-Гита», например.

Я упала в обморок. Слава читал «Бхагавад-Гиту»?!

Инна честно призналась, что не смогла ее осилить.

Я призналась, что даже не пыталась, — зачем мне все эти бесконечные описания семейных разборок с невообразимыми именами героев...

— Как зачем? Это же Время! — воскликнул Слава. — Нигде так не проступает время, как в эпосе. Он погружает тебя во вневременное пространство — вечное, длящееся. Эпос — отпечаток вечности, который даже в музыке редко кому удается словить.

— Хорошо, — не унималась я, — но эпос — это не нудные теории Толстого о роли личности в истории.

— А финал не совсем об этом, — возразил Слава. — Если ты перечитаешь, то увидишь, что там все точно написано. Совершенно точно. Это же гениально сказано, когда он описывает период реакции: «Историческое море, не как прежде, направлялось порывами от одного берега к другому: оно бурлило в глубине. Исторические лица, не как прежде, носились волнами от одного берега к другому; теперь они, казалось, кружились на одном месте...».

— Думаю, — сказала Инна серьезно, — Толстому не могли простить проповедь исторического релятивизма. Хотя, о чем он

говорил? Просто о том, что никакого объективного взгляда на историю не существует. О том, что благо народа, как он выражался, каждым поколением понимается по-своему! И то, что сегодня кажется благом, через десять лет может представляться злом.

— Нет! — вскипел Слава. — Не о народе. Толстой говорит обо всем человечестве.

— Может быть, я не точно это помню, — смутилась Инна.

— Толстой не думал в категориях страны, — отрезал Слава. — Он думал выше. Там главная мысль другая! Толстой рассуждает о сущностных вещах. Он говорит: если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, — то уничтожится возможность жизни! Вот центральная мысль, которую он проводит... Мысль глубоко религиозная по сути.

— По этому вопросу я все-таки тяготею к Монтеню, — вздохнула Инна с улыбкой. — Меня больше вдохновляет идея рационального устройства миропорядка.

— Ну, еще бы, — улыбнулся Слава. — Это же так успокаивает!

Дальше разговор пошел об опере «Война и мир», которой Святослав Теофилович восхищался. И пожалел, что ее редко исполняют.

— Надо открывать для публики малоизвестную музыку! — говорил Святослав Теофилович. — Расширять ее кругозор.

— Наша публика к этому готова, — не без гордости встала Инна. — У нас собираются особенные люди. Все-таки музей привлекает знатоков.

— А мне иногда жалко, что студенты не могут попасть в зал, — вздохнул Слава. — Я все чаще сталкиваюсь с тем, что билеты на мои концерты продаются по запредельной цене. Я ведь помню, сколько дала мне возможность проникать на хорошие концерты в Одессе... В огромной степени именно ради этого я даже пошел работать концертмейстером в одесскую оперу!

— Давайте пить чай! — предложила я, поняв, что нам с Нелличкой дальше будет еще сложнее вклиниться в эту беседу.

За чаем от обсуждения эпилога «Войны и мира» увлеченно перешли к восторгам в адрес Пруста. Слава признался, что это один из его любимых писателей (на что Инна скромно заметила, что читала его по-французски), а потом перешли к «Маятнику Фуко» Умберто Эко, дружно сойдясь на том, что это «блистательная, но обращенная исключительно к интеллекту, „головная“ литература»...

— Сделано блестяще. Но я не люблю книги, основанные на играх разума, — сказала Инна.

...Слушая их разговор, я поймала себя на мысли, что даже при неизбежном в общении с Рихтером положении снизу вверх (от которого мало кто был свободен) Инна в интеллектуальном смысле говорила с ним на равных. Это было большой редкостью.

— Странно, — осмелилась включиться в разговор явно робевшая Нелли, — мне кажется, вы, Святослав Теофилович, с вашим кругозором и знаниями, с таким особенным взглядом на мир, должны были стать композитором, а не исполнителем...

— Не знаю, — покачал головой Слава, — исполнительство — лучший способ усмирять гордыню... Мне нравится быть идеальным зеркалом...

...Дальше разговор пошел о радикальных авторских интерпретациях. Инна очень хвалила Плетнева. Слава был сдержан.

Наконец, они подошли к главной теме, волновавшей, очевидно, обоих. Насколько элитарно звучат программы Декабрьских вечеров — и разумно ли, в принципе, ориентироваться на «доступность» для публики (устроителей фестиваля в тот период упрекали в том, что «страшно далеки они от народа»).

— Генрих Густавович (Нейгауз, учитель Рихтера. — *Прим. ред.*), — сказал Слава, — любил повторять: самое высокое и есть самое прекрасное. Потому что высшее предназначение художника — открывать слушателю идеальную реальность.

— И Микеланджело так говорил! Предназначение художника — поиск совершенства. И это очень точно. Абсолютно точно! Художники прокладывают путь в непознанное. А слушатель, зритель или читатель идет за ними. Следование же по территории

неизвестного за первопроходцем-художником требует сознательного усилия. Как Лотман замечательно говорил? Культура — это способность тянуть себя за волосы из болота, точно барон Мюнхгаузен. Приобщение к высокому требует усилия. Невозможно без усилия вникнуть в музыку Шнитке, — сказала Инна.

— Да? — удивился Слава. — А мне кажется, Шнитке прозрачен, как вода.

Инна задумалась:

— Прозрачность, как мне кажется, — это Канчели и Пярт... Никак не Шнитке.

Перешли на обсуждение Пярта... Потом Канчели (Слава промолчал), потом Ксенакиса, Булеза (Слава считал их выдающимися явлениями современности).

...Мы с Нелличкой постепенно притихли. Вклиниться в эту беседу было сложно. Нелли очень робела, а я не ощущала себя столь искусенной в музыке. Но, слушая Славу, я невольно вспоминала идею Ахматовой, предлагавшей составлять портрет человека по его художественным пристрастиям. Анна Андреевна называла это «эстетический профиль». По ее словам, он проявлял человека столь же отчетливо, как негатив проявляет будущую фотографию.

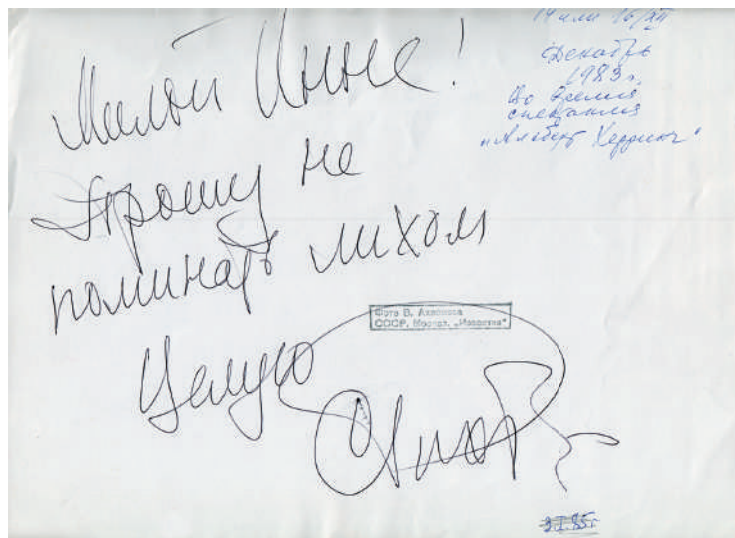
Эстетический профиль Рихтера был совершенен почти так же, как абрис его мощной, с крупным лбом, головы, больше напоминавшей голову мыслителя, философа...

Соответствовать Славе было трудно. И, тем не менее, в Инне чувствовалась абсолютная независимость суждений и огромная внутренняя наполненность. Которые удивительно соединялись с пронзительной, даже пугающей порой свободой. Она словно бы стеснялась того, сколько знает и понимает, как будто бы не желала это демонстрировать...

*Записано Марией Варденга
со слов Зои Борисовны Томашевской.
Петербург, осень 1997 года,
вскоре после смерти Рихтера*

Со Светославом Рихтером на Декабрьских вечерах. 1985

Записка Святослава Рихтера

Декабрьские вечера. 1984